

15348-73

При свѣтѣ войны.

Миновали два года, кошмарные, тяжелые, годы смерти, страданій и разрушенія. На всѣхъ, прямо или косвенно причастныхъ, легли они тяжело, но больше всего придавила ихъ тяжесть народъ нашъ. Ибо къ невольнымъ и неизбѣжнымъ мукамъ прибавились тѣ, которыя сознательно причинены коварнымъ измышлениемъ и злобствующей волей людей.

Разрушены очаги, хотя бы чахлою, голусной, все же національною жизнью, вѣками создававшаяся. Народъ странникъ вновь взялся за посохъ и суму. И въ тѣ время, какъ другіе уходили съ пепелищъ съ мыслію о скоромъ и безусловномъ возвращеніи, наши мученики-выселенцы не знаютъ, гдѣ придется, когда стихнетъ буря, вновь заложить очагъ, или хотъ раскинуть шалаши. Гдѣ и на что.

Это у насъ, здѣсь. А въ Галиціи миллионы евреевъ разорены, сорваны съ мѣсть, иштепелены и долженъ будетъ восстанавливать свои разрушенные гнѣзда подъ лаской поляковъ...

Страшно подумать обо всемъ этомъ. А думать необходимо. И еще больше—работать. Нанесенныя раны зияютъ. Когда и какъ онѣ начнутъ затягиваться, зализываться, пока никому невѣдомо; но вѣдь перевязать необходимо сейчасъ, немедленно.

И народъ знаетъ ревностно, горячо взялся за эту работу и неустанно надъ ней трудится.

О, въ перевязкѣ ранъ мы не имѣемъ себѣ равныхъ! Быть можетъ, потому, что ни одинъ народъ на своемъ историческомъ пути не занимался этимъ столько разъ, сколько мы. Въдѣ не разъ приходилось намъ разставаться и съ родной землей, и съ тѣми краями, гдѣ предки наши (вѣками жили и къ которымъ они успѣвали привязываться со свойственной евреямъ страстной любовью къ насиженному очагу и роднымъ могиламъ. Мудрено ли, что и при настоящей катастрофѣ, лица, призванныя быть главными кормчими въ бѣженскомъ потокѣ, одно за другимъ свидѣлствуютъ, что всего больше и лучше пашились въ шахлынушемъ испытаннн еврей, ихъ организаци и отряды? Невольно испытываешь чувство облегченія и проникаешься вѣрой, когда видишь, сколько безкорыстной любви, труда и жертвъ проявляется и приносится каждый день; какъ много организованности и братской солидарности вскрылось въ эту историческую годину. Если бы хоть часть этой энергии проявлялась обычно среди насъ, въ обычное время, на сколько иначе выглядела бы жизнь народа! Къ прискорбью, обычно, стационарно этого не бываетъ. И потому такъ жутко вглядываться въ близкое будущее.

Раны перевязуютъ. Но что потомъ? Въдѣ надо же будетъ приступить къ строительству, къ закладкѣ новой жизни на новыхъ мѣстахъ, или на старыхъ пепелищахъ. И строительство потребуетъ крупное, ибо сорвано съ мѣсть въ 5 разъ больше евреевъ, чѣмъ при великомъ испанскомъ изгнаннн. Тѣ, кто концентрируетъ въ себѣ народную энергию, кто является и считаетъ себя работникомъ на народной вѣвѣ, должны бы уже теперь серьезно заняться подготовительной работой, вопросами близкаго будущаго—деленія народныхъ ранъ.

Между тѣмъ, долго эти вопросы вовсе не привлекали къ

себѣ вниманія, а потомъ, когда къ нимъ приступили, это стало проявляться въ такихъ формахъ, которыхъ нельзя назвать иначе, какъ национальнымъ «триондерствомъ». На великомъ бѣдствии, страшемся падѣ нами, хотятъ впошыкахъ создать новое грандиозное здание, перестроить все русское еврейство, его бытъ, организацiонныя формы и культурное содержаніе. И все дѣлается съ удивительнымъ, иногда непостижимымъ легковѣріемъ, безъ учета окружающихъ условий, реальной дѣйствительности...

Быть можетъ, и это потому, что со времени потери самостоятельности, мы ни разу не строили сами своей жизни; она всегда направлялась другими, мы же только приспосабливались. И когда насъ постигали историческія катастрофы, мы удивительно умѣли гнутья и не ломаться; а по минованіи ихъ—собирать остатки силъ и поддерживать нить жизни. Мы оказывались всегда сильнѣе катастрофъ. Но мы были совершенно безсильны въ предотвращеніи ихъ и ихъ причинъ. Мы и не стремились никогда серьезно къ этому, мы не работали для того, даже серьезно не задумывались, не выясняли себѣ, не пытались. Уроки жестокие и яркіе проходили безслѣдно мимо. Муки оказывались не только жестокими, но и безцѣльными, ибо народъ на нихъ не учился, не исправлялъ и не направлялъ по новому своей жизни. Ни одной серьезной, организованной попытки разсѣяннаго еврейства вернуть утерянную страну на протяжении почти 2-хъ тысячелѣтій, при рядѣ порывовъ къ тому,—это достаточно ярко говорить за себя.

И что страшно гнететь насъ въ эти дни переживаемой нами мировой трагедіи, это вопросъ: не пройдетъ ли и она столь же безцѣльно для народа, ибо онъ не уяснитъ себѣ и не усвоитъ того, что въ такой яркой, красочной формѣ подносить жизнь.

А урокъ не только поучительный; онъ страшенъ и жестокъ.

13 миллионъ евреевъ разсыяно по землѣ, приблизительно столько, сколько во всѣхъ Балканскихъ государствахъ, вмѣстѣ взятыхъ. Среди нихъ и силы, и таланты, и средства. Minimum 600,000 солдатъ выставилъ еврейскій народъ на поля сраженій; въ 4 раза больше, чѣмъ Бельгя. Подвиги наши войны проявили не меньше, чѣмъ любая армія, не взирая на часто крайне тяжелую окружающую атмосферу. И въ тылу еврейство несло не меньше труда и милосердія. А горя и жертвъ больше, чѣмъ у другихъ.

Кончится война. Соберутся представители земель и народовъ на общее судилище и будутъ рѣшать судьбу міра. Будутъ тамъ представители Бельгии, Польши, Сербіи, даже Черногоріи. Кто проливалъ кровь, тотъ добылъ себѣ право на участие въ установлении новыхъ условій жизни человѣчества и новой карты міра.

Но будутъ ли тамъ представители нашего народа, раздастся ли голосъ еврейскій въ этомъ хорѣ народовъ?

Какъ ни тяжело, но надо имѣть мужество смотрѣть правдѣ въ глаза. Евреямъ и пролитая кровь не даетъ тѣхъ правъ, которыя она даетъ другимъ, всѣмъ. О насъ, о нашихъ интересахъ и чести будутъ, быть можетъ, судить другіе, а то и вовсе не будутъ судить. Въ полномъ смыслѣ слова — *quantité negligible*. Точно нѣтъ у насъ счета, который мы болѣе, чѣмъ въправѣ предъявить; и нѣтъ у насъ «адвокатовъ», которые умѣли бы его обосновать.

Почему-жь?

Опвѣтъ ясенъ. Никогда еще, быть можетъ, онъ не былъ данъ съ такой жестокой ясностью.

Въ этомъ совѣтѣ землевладѣльцевъ тамъ не мѣсто, ибо мы не только не ровня осѣдлымъ народамъ, сидящимъ на своей землѣ; мы даже земельного

денга не имѣемъ. Бездомные, безземельные, бѣженцы, хронические, привычные. Такихъ терпятъ; иногда облакаютъ; даютъ возможность пристроиться. Но голосъ—развѣ не странна даже претензія на это?..

Но, если бы даже пожелали сдѣлать рѣдкое исключеніе, допустить безземельнаго, кто—какая организація, какіе люди явятся тѣми, которые еврействомъ и міромъ будутъ признаны представителями народа, облеченными авторитетомъ его и правомъ—говорить и требовать отъ имени его?

Я намеренно не говорю сейчасъ о сионистской организаціи—о ней ниже. Я говорю объ остальныхъ слояхъ разсыяннаго еврейства. Они не только не объединены между собой; они даже въ каждой отдѣльной странѣ не имѣютъ общей организаціи, національнаго представительства, слѣдовательно, и почвы для общеврейскихъ интересовъ и выступлений. Разсыянное еврейство имѣетъ, правда, на Западѣ нѣсколько «большихъ» организацій, которыя какъ бы къ этому призваны. Онѣ заслужили себѣ почетное имя филантропической работой, изрѣдка и политическими шагами. Всею менѣе желалъ бы я отрицать ихъ заслуги. Но, присмотрѣвшись за послѣдніе годы близко ко всѣмъ имъ, я долженъ былъ съ прискорбіемъ констатировать два факта: 1) каждая изъ нихъ носитъ слишкомъ мѣстный характеръ, благодаря болѣзненному гиперпатриотизму ассимилированныхъ евреевъ, доходящему до рабства; 2) онѣ, поэтому, необъединены и необъединимы для крупныхъ общенациональныхъ задачъ, особенно въ моменты обостренія между народами, среди которыхъ онѣ созданы и къ которымъ ихъ дѣятели себя дѣятельно причисляютъ. И вотъ, коренныя аномаліи жизни еврейскаго народа—безземельность и отсутствіе національной организаціи—роковымъ образомъ дѣйствующія всегда, особенно сказываются въ критическіе моменты. Еврейскій народъ—

гдѣ онъ, кто его представляет?.. Отсюда наше бессиліе, беспочвенность всего нашего существованія въ діаспорѣ, неустраивимыя и неисправимыя до тѣхъ поръ, пока не будутъ устранены порождающія причины.

Ихъ устраненіе зависитъ отъ насъ, и только отъ насъ.

Десятки лѣтъ работаемъ мы надъ развитіемъ сознанія, что нельзя намъ создать нормально-национальной жизни, нельзя и частямъ нашего народа нормально жить въ голустѣ, пока не будетъ созданъ народный центръ въ Палестинѣ и национальная организація внѣ ея. За эти десятки лѣтъ мы успѣли положить прочное начало и тому, и другому. Но только начало. Оно даетъ намъ теперь уже—мы можемъ это заявить—права и вѣсъ въ глазахъ другихъ. Оно налагаетъ на насъ и серьезныя обязательства. Мы это знаемъ, исполняемъ свой долгъ и используемъ свои возможности до конца, въ интересахъ народа. Но что, если бы нашу работу начали—не будемъ заходить далеко—только наши дѣды; если бы у насъ въ Палестинѣ было теперь не 100, а 500 тысячъ евреевъ, столько, сколько арабовъ; сотни цвѣтущихъ деревень и десятки крѣпкихъ городовъ; живой языкъ, расадники науки и национальной культуры, связывающіе всю діаспору; соответствующія нашей силѣ въ странѣ формы внутренняго строя. А въ діаспорѣ наша организація обнимала бы не сотни тысячъ, а миллионы евреевъ. Все это было вѣдь безусловно возможно. Еврейство не стояло бы теперь столь позорно-беспомощно передъ міромъ. Было бы кому, авторитетно и съ правомъ, выступать отъ его имени за интересы и страны, и разсѣянныхъ частей народа. Направляюще судьбы народовъ иначе совсѣмъ прислушивались бы къ этому голосу. Опытъ нашей работы убѣдилъ насъ, что еврейство не безъ друзей теперь въ мірѣ. Немного ихъ; зато иногда они принадлежатъ къ сильнѣйшимъ. Но та-

кимъ импонируетъ то, что цѣлѣнно, сильно и гордо. Рабочествоующіе представители ассимиляціи были далеки отъ этого. Ихъ голосъ не былъ и не могъ быть гласомъ народа. Только та часть народа, которая высоко держитъ национальное знамя и поддерживаетъ историческую шить на исторической почвѣ, можетъ служить представительницей всего народа.

Но предшествовавшія намъ два поколѣнія вѣрили въ магическую силу эмансипаціи и въ ассимиляцію, ждали рѣшенія всѣхъ вопросовъ отъ просвѣщенія и прогресса. Имъ было не до «утопій», не до «миѳической» Палестины. Но предъ нашими поколѣніемъ призывъ къ автоэмансипаціи уже непрерывно и громко раздавался; возрожденіе Палестины и созиданіе тамъ національнаго ядра стали фактами живой реальности, видными всему народу. Результаты этой работы были бы на много больше и ярче, если бы могуще и влиятельные во Израилѣ были съ нами, по крайней мѣрѣ, не клали бы намней по трудному пути, какъ это, къ стыду и боли нашей, на каждомъ шагу дѣлалось..

Поймутъ ли народъ нашъ и мнящіе себя руководителями его хоть теперь, при свѣтѣ мировой катастрофы, что созданіе національнаго центра въ Палестинѣ и національной организаціи внѣ ея, есть насущнѣйшая потребность не только для осуществленія идеаловъ сионизма, но и для болѣе нормальной жизни въ діаспорѣ?

Хочется вѣрить, что да. Ибо кого не убѣдили доводы, тѣхъ должны будутъ убѣдить факты.

XX-й вѣкъ, несомнѣнно, знаменуетъ собой развитіе и укрѣпленіе національнаго момента въ жизни народовъ. Это не есть противорѣчіе общечеловѣческому, правамъ и запросамъ человѣка, а лишь пополненіе его, но крайне существенное. Национальное начало создаетъ естественную группировку и атмосферу для отдѣльныхъ частей человѣчества; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно связываетъ

каждого тѣсной связью со своей нацией. Национальный индифферентизмъ, национальное вегетированіе не могутъ болѣе имѣть мѣста. Каждой группѣ придется Farbe bekennen; въ томъ числѣ разсѣянными среди разныхъ націй евреямъ. Либо ассимиляция съ преобладающей нацией, но тогда полная; либо самостоятельная национальная группа. Либо национальная смерть, либо национальная жизнь—теперешней половинчатости или двойственности болѣе не будетъ, не должно быть по ходу развитія. И такъ какъ инстинктъ жизни у огромнаго большинства еврейскаго народа еще достаточно силенъ, то дальнѣйшій ходъ развитія еврейской мысли и чувства этимъ достаточно предопредѣленъ.

Национальное самосознаніе и потребность проявленія національнаго «я» должны нарастать и достигнуть у евреевъ такихъ же здоровыхъ размѣровъ, какъ у другихъ нормально живущихъ націй. А для того, чтобы удовлетворить и то, и другое, необходимо роднище национальной жизни и энергии, необходимо национальный центръ. Безъ него немислимо представить себѣ дальнѣйшее развитіе еврейской жизни въ XX вѣкѣ. Суррогаты, которыми тѣпили себя прежніе ассимиляторы, причислявшіе себя къ чужой национальности и оставлявшіе себѣ только «религію», съ одной стороны, и «утверждающіе» голусъ и его языкъ—съ другой, не могутъ удовлетворить ни евреевъ, ни другихъ. Оккупировавъ Польшу и Литву, нѣмцы оставили національную школу съ национальнымъ языкомъ полякамъ и литовцамъ, но отъ евреевъ потребовали приобщенія къ нѣмецкому языку и культурѣ. Можно, пожалуй, понимать ихъ, если они говорили себѣ, что чѣмъ говорить и учиться на ломаномъ нѣмецкомъ, лучше дѣлать это на правильномъ языкѣ. И евреи Салоникъ черезъ ночь должны были стать и стали поклонниками греческой культуры, издають греческія газеты, въ которыхъ ругаютъ преж-

нюю метрополию и т. д. Эти примѣры указываютъ, что ждать еврейство въ діаспорѣ, если национальныя черты его останутся столь же безкровными, чахлыми, плохо ощутимыми самими евреями и непонятными другимъ. Влить живые соки, дать живое содержаніе жизни еврею въ діаспорѣ, можетъ только и исключительно национальный центръ, созданный въ Палестинѣ.

Это должны будутъ почувствовать всѣ евреи, которые пожелаютъ быть евреями и жить, какъ евреи, гдѣ бы они ни находились.

Въ мукахъ и крови нарождается новый періодъ въ жизни человѣчества. Однимъ изъ главныхъ устоевъ его будетъ—полная возможность самоопредѣленія, развитія и независимой жизни для всякой націи, въ томъ числѣ и для слабыхъ, и малыхъ. Не сразу сложится новый устой. Для этого потребуются радикальная перекройка внѣшнихъ формъ государственной жизни и глубокое измѣненіе внутренняго содержанія жизни націй. Всѣмъ имъ предстоитъ много дѣла, особенно малымъ и слабымъ, живущимъ среди большихъ; болѣе всѣхъ—намъ, еврейской нации. Но эта задача не выше нашихъ силъ. Надо только, чтобы мы ее поняли, сознали, чтобы мы пожелали ее разрѣшить.

Пойметъ ли только, пожелаетъ ли народъ?

